

Статья: Кто украл барана? «Новые интерпретации» текста «Лунь юй» (13.8) и новейшие дискуссии учёных КНР об «эффективном увещании»

Article: Who stole the ram? The “New Interpretations” of the “Analects” (13.8) and the most recent discussions on the “effective admonition” by the scholars from the Peoples’ Republic of China

Рецензент А

2020-09-07 14:37

У меня тоже есть замечания к статье. Но поскольку она уже отправлена на доработку, шлю простые пометы проблемных мест желтым цветом без комментариев.

Рецензент В

2020-09-04 22:35

Я посмотрел последнюю правку статьи и сравнил ее с тем проверенным мною вариантом, который я посылал в редакцию, с помощью встроенной функции сравнения документов в Microsoft Word. Результат меня несколько обескуражил - оказалось, что версии отличаются минимально. Фактически кое-где лишь было кое-что поправлено по части мелких правок (посылаю также файл сравнения версий).

Между тем я помню, что я рекомендовал статью на серьезную переделку. Свое мнение за это время я не изменил. Я не знаю, что еще добавить, коль скоро эта версия статьи отличается от той, которую я рекомендовал на переделку, минимально... Все еще рекомендую на переделку!

Рецензент С

2020-09-15 18:06

Как историографический обзор предлагаемая к публикации статья очень и очень ценна – отечественному читателю редко представляется возможность ознакомиться с актуальными проблемами мировой синологии, в особенности её историко-философской области, на русском языке. Освещение яркого примера частного проявления столь характерной для современного Китая проблемы приспособления традиционных идей и концепций к нуждам нового времени нельзя всячески не приветствовать.

Тем не менее в текущем виде статья представляет собой не только и не столько обзор точек зрения по данной дилемме и путям её разрешения, высказанным в научном поле, сколько попытку разрешения этой проблемы путём выдвижения в качестве корректной точки зрения Л. И. Головачёвой – что автоматически выводит её жанр за пределы историографического обзора, наделяя чертами историко-философского исследования. И именно в этом качестве статья, увы, имеет целый ряд серьёзных огрехов.

Прежде всего, неясно, почему отправной точкой в подходе автора к проблемному фрагменту служит отрицание возможности того, что Конфуций в принципе мог ставить кровнородственные связи и обязательства выше государственных. Отчего этические ценности, транслируемые древними конфуцианскими памятниками, непременно должны соответствовать современным нормам морали? Взятие подобных представлений за аксиому, конечно, простительно для китайских коллег, но для отечественного исследователя невозможность следования традиционным трактовкам фрагмента, безусловно, требует обоснования.

Иными словами, вполне понятно, для чего китайским философам и историкам философии реинтерпретировать старые трактовки фрагмента – чтобы ответить на социальный запрос и решить проблему несовместимости Конфуция с современной моралью. Но эти мотивы по своей природе ненаучны: если вина старых трактовок только в несовместимости старой морали с новой – этого ещё не достаточно для признания их некорректными.

Далее, автор заявляет, что китайские современные трактовки фрагмента едва ли тянут на качественно иную новую интерпретацию. Но что понимается под этой «качественно иной новой интерпретацией»? Учитывая, что в подкрепление своей точки зрения китайские участники дискуссии, по свидетельству самого автора статьи, приводили цитаты из древних текстов, а также концептуализировали проблему с помощью обращения к современным правовым теориям, неясно, что ещё требуется, чтобы признать какую-либо интерпретацию качественно иной и новой. В сочетании с обвинением авторов альтернативных трактовок в «недопонимании сути дилеммы» и «неспособности увидеть её универсальное решение», а также допущением по отношению к ним оценочных суждений в стиле «Лян Тао, верно уловив и описав суть мысли Конфуция, не сознаёт её глубины...» это не может не вызвать некоторого недоумения.

Помимо прочего, китайские исследователи обвиняются в том, что «пытаются верифицировать суть реплики Конфуция через умозрительное достраивание и последующее препарирование всех возможных обстоятельств случая с кражей барана» – и логично было бы ожидать, что предлагаемая автором интерпретация фрагмента будет лишена всякого «умозрительного достраивания» и окажется достаточно убедительной для того, чтобы снять все вопросы по обсуждаемой проблеме. Увы, нельзя сказать, что эти ожидания оправдываются.

Само допущение, что иероглиф инь 隱 (который стандартно переводится как «сокрыть, укрыть, оставить в тени») можно перевести как «защитить, прикрыв собой, пострадав за другого», тем более в контексте взятия вины на себя, практически никак не обосновывается: не приведены ни прецеденты употребления иероглифа в подобном значении из других синхронных текстов, ни оценка типичности такого употребления, ни аргументы от этимологии и графического облика. Более того, обратившись к «Лунь-юю», можно убедиться, что иероглиф инь употребляется в нём несколько раз – и едва ли хотя бы в одном из случаев, помимо рассматриваемого, он может быть интерпретирован как «прикрывать собой». Возникает даже ощущение, будто источником данной интерпретации является русскоязычная синонимическая цепочка ("сокрыть = прикрыть = защитить, заслонив собой"), а не оригинальная семантика иероглифа инь. Так или иначе, читателю предлагается, по сути, то самое критикуемое автором умозрительное достраивание – от оригинального лаконичного «сокрытия» до прикрытия собой путём взятия вины на себя.

Аналогичные вопросы вызывают и нестандартные интерпретации конфуцианских категорий – жэнь 仁 (наиболее распространённый перевод – «гуманность, человечность») как «совести» и чжи 知 («знание, понимание») как «усоветивания», – для которых также требуется обоснование, хотя бы и краткое, особенно учитывая, что в цитате, приведённой практически сразу после их упоминания, такой перевод чжи породил бы странный плеоназм "усоветивание совести" (чжи-жэнь 知仁). Одной только констатации наличия в актуальной научной историографии сомнений по поводу того, как правильнее переводить термин жэнь, а также заявлений о том, что жэнь имеет заметные отличия от гуманности в нашем привычном понимании, – недостаточно для обоснования возможности (и, что куда более важно, преимущества) перевода жэнь как «совести».

Впрочем, апелляция к библиографии Л. И. Головачёвой позволяет читателю надеяться, что удовлетворительное обоснование будет найдено в соответствующих работах, – а предлагаемое исследование счесть сугубо историографическим, а не историко-философским. Но тогда непонятен, мягко говоря, отнюдь не нейтральный тон статьи, автор которой не просто описывает научную дискуссию, но и сам принимает в ней непосредственное участие в роли арбитра, выступая против одних трактовок как «малоубедительных» и «навязывающих свои взгляды людям древности» и предлагая другую в качестве «наиболее оригинальной, последовательной и адекватной духу учения Конфуция».

Концептуальная состоятельность предлагаемого разрешения дилеммы также далеко не бесспорна: к примеру, неясно, почему взятие на себя вины отца «гарантирует эффективность выпрямления кривого», – легко представить ситуацию, при которой моральное падение родителя будет столь глубоко, что даже взятие вины сыном не тронет его, а если и тронет – то не изменит. Ещё труднее верится в то, что для Конфуция, носителя и идеолога патриархальной морали, приемлемым и желательным было не только взятие на себя вины отца и принятие соответствующего наказания сыном, но и аналогичные действия отца в отношении сына. Без указания на соответствующие прецеденты в письменных источниках (пусть даже и вымышленные) либо приведения каких-то иных аргументов данное предположение основывается лишь на трактовке иероглифа инь как «прикрывать

собой» – которая сама требует доказательства и, как было показано выше, едва ли может быть сочтена надёжной.

Учитывая же, что именно концептуальность автор считает главным и принципиальным преимуществом трактовки Л. И. Головачёвой перед схожей интерпретацией Лян Тао, наличие подобного рода вопросов к этой концепции ставит под сомнение главные выводы статьи. Статьи, несмотря на всё вышесказанное, крайне интересной, написанной живым языком, не только вскрывающей перипетии философских дискуссий в современном Китае, но и вписывающей в этот контекст отечественные историко-философские изыскания прошедших лет, что демонстрирует глобальный характер проблем интерпретации философской классики Китая, которые остаются актуальными и по сей день.

Редактор

2020-12-09 12:52

Уважаемый Автор!

Редакция была вынуждена пересмотреть ранее направленное Вам решение о принятии Вашей статьи "Кто украл барана? «Новые интерпретации» текста «Лунь юй» (13.8) и новейшие дискуссии учёных КНР об «эффективном увещании»", к публикации в выпуске № 5 (2020) в журнале *Orientalistica*, с учетом позиции трех рецензентов, а также отсутствия от Вас исправленной авторской версии, ответов на замечания и комментарии рецензентов.

Наше решение: согласно рекомендациям рецензентов необходимо внести в статью изменения, после этого она будет снова направлена на рецензирование.

Прилагаются файлы с замечаниями и правками рецензентов. Прошу Вас ознакомиться с ними и сообщить свое мнение в виде исправленной Авторской редакции и ответа рецензентам (через редакцию).

Кашаф Шамиль Равильевич, заместитель главного редактора журнала "Ориенталистика" (*Orientalistica*)

Автор

2020-12-29 21:31

Уважаемая редакция!

1. Я учел все замечания, в т.ч. представленные в более развернутом виде во 2-й части отзыва 2-го рецензента, и внес в статью нужные изменения. Объем этих изменений хорошо виден по маркировке желтым фоном. См. текст статьи.

2. Особо важен для сути дискуссии следующий ключевой факт: на то, что термин жэнь 仁, который традиционно переводится как «гуманность» или «человеколюбие» (на этом настаивает и рецензент), не имеет никакого отношения к гуманности в нашем привычном понимании, а также на «удручающую полисемию» традиционного перевода этого термина и неадекватность подходов к его трактовке указывают многие ведущие российские исследователи конфуцианства, в т.ч. А.М. Карапетянц (1982), Л.И. Головачева (1983), А.С. Мартынов (2006) и Д.В. Конончук (2014).

3. Не принимаю личное мнение рецензента по поводу заголовка: «имеет смысл обратить внимание на некоторое несоответствие заголовка содержанию статьи – коль скоро освещаемая в статье дискуссия посвящена вовсе не тому, кто украл барана».

Рецензент упомянул лишь начало заголовка, словно не видя его целиком: Кто украл барана? «Новые интерпретации» текста «Лунь юй» (13.8) и новейшие дискуссии учёных КНР об «эффективном увещании». Мой заголовок интересен и точно отражает суть статьи. Конечно, можно назвать статью «К вопросу о трактовке фрагмента 13.8 учеными КНР...», но времена таких безликих названий давно прошли. Я настаиваю на своем.

4. Решение о публикации остается за редакцией. Если статья будет опубликована, я бы предложил опубликовать вслед за этим и критический отзыв уважаемого рецензента. Тогда диалог обретет форму открытой дискуссии, полезной для изучения темы и ознакомления читающей публики с историографией вопроса.

С уважением,
Автор

декабря 29, 2020 - 21:25

Автор Валентин Цуньлиевич Головачев загрузил исправленную версию статьи «Кто украл барана? "Новые интерпретации" текста "Лунь юй" (13.8) и новейшие дискуссии учёных КНР об "эффективном увещевании"».

Уважаемый Валентин Цуньлиевич Головачев!

Благодарим Вас за внимание, проявленное к журналу «Ориенталистика» (*Orientalistica*).

Очень рады сообщить, что рукопись Вашей статьи "Кто украл барана? «Новые интерпретации» текста «Лунь юй», переработанная Вами по итогам «слепого» рецензирования рекомендована к публикации рецензентами (экспертами) журнала.

Редакция планирует опубликовать Вашу статью в одном из ближайших выпусков издания с учетом тематического наполнения, конкретные сроки публикации будут сообщены Вам дополнительно.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.